

ГЛАВА XXXIV.

ВТОРОЕ ПОСВЩЕНІЕ КОРИНѦА.

Рабу Господа не должно ссориться, но быть привѣтливымъ ко всѣмъ, учительнымъ, незлобивымъ.

• 2 Тим. в. п, 24.

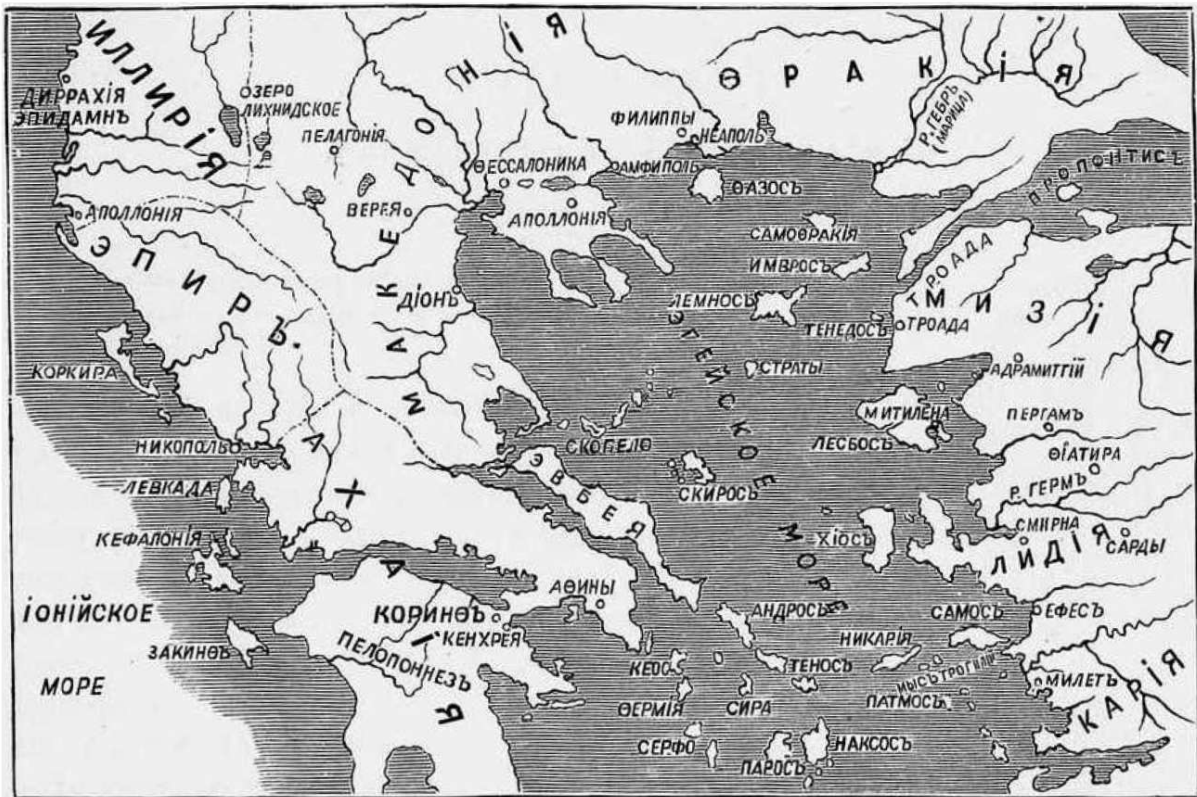

ВТОРОМЪ пребываніи ап. Павла въ Македоніи св. Лука говорить необыкновенно кратко. Причиною этого вѣроятно было то, что періодъ этотъ не ознаменовался какими либо особыми событіями, заслуживавшими того, чтобы отвести имъ мѣсто на его страницахъ. Онъ не имѣлъ своею задачею останавливаться на изслѣдованіи источниковъ внутренней скорби, такъ угнетавшей душу ап. Павла, или подробно передавать о тѣхъ огорченіяхъ, которыя составляли суть его обычной жизни. Ап. Павелъ быть можетъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ когда либо жившихъ людей (даже если мы возьмемъ тѣхъ, которые принесли свою жизнь въ жертву какому либо великому дѣлу Божію), опытомъ зналъ, что жизнь сплетается

изъ множества испытаній, все различіе которыхъ состоитъ въ томъ, что одни изъ нихъ легче, другія — тяжелѣе. Но св. Лука, не говоря уже объ особыхъ цѣляхъ, повидимому руководившихъ имъ при писаніи своей книги, даетъ намъ полный разсказъ только о событіяхъ, которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣ-
телемъ¹⁴⁹⁸), или тѣхъ, которыя онъ считалъ наиболѣе важными и касательно которыхъ онъ могъ получить несомнѣнно достовѣрные свѣденія. Однимъ изъ многихъ доказательствъ неполноты его біографіи служить то, что онъ даже не упоминаетъ о такомъ сотрудникѣ ап. Павла, какъ грекъ Титъ, столь любезный ему, столь способный, дѣятельный и преданный, восторженною дѣятельностью

котораго ап. Павелъ такъ много пользовался въ организаціи милостынныхъ сборовъ и особенно въ трудномъ и щекотливомъ дѣлѣ сношенія съ коринѣскими христіанами въ самый неудовлетворительный періодъ ихъ смутной исторіи.

Св. Лука, поэтому минуя душевную скорбь и внѣшнія гоненія, которыя ап. Павелъ, по его собственному свидѣтельству, испытывалъ въ это время, ничего не говоритъ о тѣхъ многихъ тревоженіяхъ, относительно которыхъ, на основаніи посланій, мы можемъ сообщить кое-что. Все, о чемъ онъ сообщаетъ намъ, это лишь то, что ап. Павелъ проходилъ чрезъ эти страны и ободрялъ ихъ своимъ увѣщаніемъ. Онъ не упоминаетъ даже объ интересномъ обстоятельстве, что послѣ

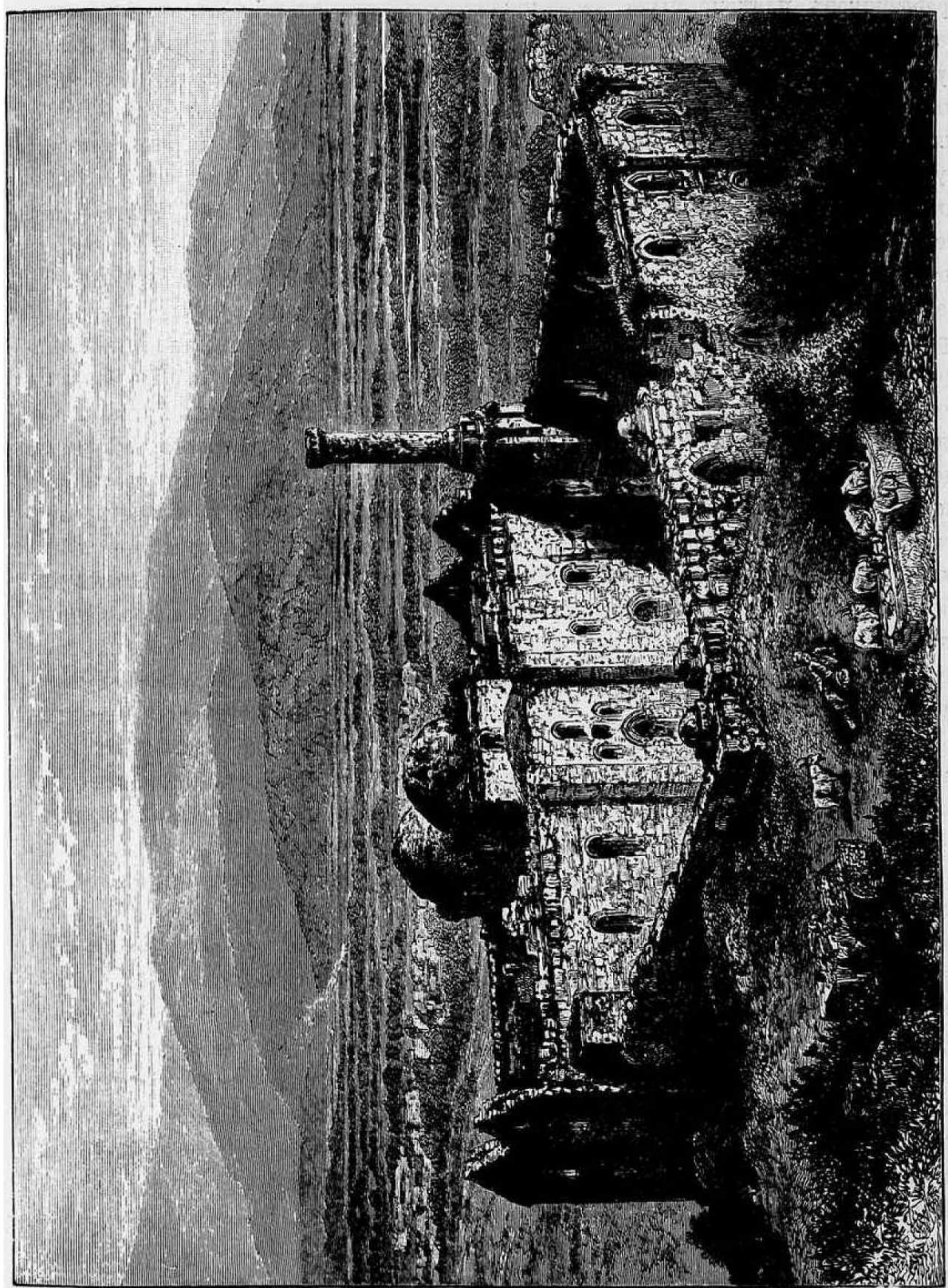
Карта для показанія дороги ап. Павла.

проповѣди, во время своего втораго путешествія, въ Филиппахъ, Фессалоникѣ и Вереѣ—трехъ столицахъ первой, второй и третьей Македоніи, онъ воспользовался намѣренной отсрочкой своего посѣщенія Коринѣа для того, чтобы пройти и четвертую Македонію вплоть до Иллиріи. Доходилъ ли онъ только до границы Иллиріи, или проникъ въ самую страну и достигъ даже до Деррахія и Никополя, и разумѣется ли подъ Иллиріей греческій округъ или римская провинція¹⁴⁰⁰), извѣстный подъ этимъ названіемъ, мы не можемъ сказать; но во всякомъ случаѣ ап. Павелъ упоминаетъ эту страну для обозначенія предѣла самаго далекаго круга своихъ миссіонерскихъ путешествій, центромъ которыхъ былъ Іерусалимъ.

Что сборъ милостыни сильно занималъ ап. Павла въ это время, это ясно изъ его частыхъ намековъ на нее и особенно изъ того мѣста, которое онъ отводитъ этому предмету въ своихъ посланіяхъ къ Коринѣянамъ. Однимъ изъ его испытаній было именно то, что онъ долженъ былъ постоянно обращаться за денежными пособіями къ малымъ общинамъ своихъ обращенцевъ, большинство изъ которыхъ при всей своей бѣдности должны были приносить большія жертвы ради своей христіанской вѣры. Онъ ясно видѣлъ, что этимъ обстоятельствомъ враги его съ беззастѣнчивостью могли воспользоваться для того, чтобы обратить его въ орудіе противъ него. Какъ бы ни были старательны и дѣловиты его распоряженія въ этомъ отношеніи, какъ бы ни настойчиво утверждалъ онъ, что самъ онъ не принимаетъ никакого личнаго участія при распредѣленіи и даже сбереженіи этихъ суммъ, не было недостатка въ личностяхъ, которыя втихомолку распространяли низкую клевету, что Павелъ дѣйствовалъ при этомъ изъ своекорыстныхъ выгодъ, и что даже то упорное трудолюбіе, съ которымъ онъ день и ночь занимался своимъ ремесломъ, не вполне удовлетворявшимъ его собственныя потребности, было только прикрытіемъ для затаеннаго плана алчности и самообогащенія. Еще тяжелѣе было для него, когда эти обвиненія исходили отъ представителей той самой церкви, ради бѣдныхъ которой онъ предпринималъ этотъ непріятный трудъ выпрашиванія милостыни¹⁵⁰⁰). Но въ мірѣ не было человѣка, какъ бы ни былъ онъ невиненъ или святъ, который бы избѣжалъ людской злобы и клеветы; и въ дѣйствительности сила этой злобы и настойчивость этой клеветы часто бываютъ пропорціональны мужеству, съ которымъ онъ встрѣчаетъ низость міра. Ап. Павелъ не старался казаться равнодушнымъ къ этому жалу ненависти и клеветы. Онъ не скрывалъ того страданія, которое оно причиняло ему. Напротивъ, онъ жестоко чувствовалъ грубую несправедливость по отношенію къ нему, а также и тѣ препятствія, которыя она поставила великому дѣлу его жизни; и та горькая иронія и горячность, съ которыми онъ при всякомъ удобномъ случаѣ отвѣчаетъ имъ, служатъ показателемъ той мѣры страданія, которое они причиняли ему. Но обыкновенно онъ оставлялъ эти клеветы безъ всякаго вниманія и прощалъ тѣмъ, которые наносили ему это страданіе. Это былъ не такой человѣкъ, чтобы пренебрегать долгомъ на томъ основаніи, что онъ непріятенъ, или потому, что его побужденія въ исполненіи его могутъ быть перетолкованы въ худую сторону. А побужденія, которыми онъ руководился въ этомъ дѣлѣ, были особенно священны. Прежде всего главные апостолы въ Іерусалимѣ взяли съ него торжественное обѣщаніе заботиться о ихъ бѣдныхъ и поставили это обѣщаніе почти условіемъ того соглашенія, по которому ихъ церковь въ вопросѣ о положеніи обращенныхъ язычниковъ отказывалась налагать на нихъ иго закона. Въторыхъ, нужда существовала въ дѣйствительности и помощь была необходима; поэтому было вполне согласно съ собственными чувствами ап. Павла дать имъ прекрасное доказательство той братской любви, которую онъ считалъ выше всѣхъ христіан-

скихъ добродѣтелей. Затѣмъ, въ ранніе годы его жизни, его неумѣренная ревность нанесла церкви іерусалимской страшный вредъ, и теперь онъ хотѣлъ показать искреннее сокрушеніе своего покаянія, дѣлая все, что для него было возможно, для вознагражденія за прежнее. Наконецъ онъ имѣлъ надежду, иногда усиливавшуюся, а иногда ослабѣвавшую, что такое явное доказательство безкорыстнаго братства со стороны основанныхъ имъ языческихъ церквей навѣрно тронетъ сердца фарисейской партіи матери церкви, и если оно и не въ состояніи будетъ совсѣмъ уничтожить разногласіе между христіанами изъ іудеевъ и язычниковъ, то по крайней мѣрѣ предотвратитъ бесполезное расширеніе отдѣлявшей ихъ грани. Въ моменты глубокаго унынія, пища изъ Коринѳа въ Римъ (Рим. xv, 25—32), признавая возможность усердіемъ со стороны христіанъ изъ язычниковъ показать, посредствомъ пособія въ земныхъ нуждахъ, свое сознаніе обязательства за духовное благодѣяніе, полученное ими отъ святаго города, и смотря на матеріальныя приношенія какъ на жатвенный сборъ для доказательства іудейскимъ христіанамъ истинности посѣяннаго между язычниками сѣмени,—апостоль одна-коже не скрываетъ своихъ опасеній касательно того духа, въ которомъ можетъ быть принято даже это приношеніе, и убѣдительно проситъ римлянъ не только подвизаться съ нимъ въ молитвахъ къ Богу, чтобы ему избавиться отъ іудейскаго насилія въ Іудеѣ, но также, чтобы и жертва, главнымъ совершителемъ которой былъ онъ, могла быть милостиво принята. Быть можетъ испытанія отъ столкновеній съ іудействующими въ Коринѳѣ въ это время нѣсколько охладили пылъ его надеждъ, но до своего прибытія туда (2 Кор. viii, 24; ix, 12—15) онъ выражалъ пылкую надежду, что ихъ человѣколюбивые дары не только облегчатъ незаслуженное бѣдствіе, но и будутъ доказательствомъ ихъ искренней преданности Евангелію Христову и вызовутъ такимъ образомъ глубокую благодарность Богу (2 Кор. ix, 14). Увы! этимъ пламеннымъ ожиданіямъ (какъ есть много основаній опасаться) суждено было потерпѣть крайнее разочарованіе.

Закончивъ свое дѣло во всей Македоніи и не находя болѣе случаевъ для практическаго приложенія своей дѣятельности въ этихъ странахъ¹⁵⁰¹), онъ наконецъ отправился въ свое путешествіе въ Коринѳъ. Это было вѣроятно къ концу 57 года. Но путешествовалъ ли ап. Павелъ моремъ или сушей и изъ какого мѣста онъ отправился, мы не знаемъ. Послѣ его путешествія въ четвертую Македонію онъ быть можетъ возвратился въ Фессалонику, которая была удобнымъ мѣстомъ сбора различныхъ братьевъ, теперь сопровождавшихъ его. Въ виду значительнаго числа его спутниковъ становится въ высшей степени вѣроятнымъ, что онъ избралъ наиболѣе дешевый, хотя въ это позднее время года и болѣе опасный, путь и отправился на корабль изъ Фессалоники въ Кенхрей. Такъ какъ онъ самъ положительно рѣшился не имѣть никакого соприкосновенія съ денежными дѣлами, то становилось необходимымъ, чтобы его повсюду сопровождали казначеи, назначенные разбросанными общинами для завѣдыванія деньгами. Сообщество этихъ

Ефесъ со стороны Айя-Салука.

соработниковъ навѣрно было источникомъ великаго счастія для подавленнаго испытаніями и истомленнаго трудами апостола, и сочувствіе такихъ преданныхъ друзей навѣрно было какбы небесною освѣжительной росой для его духа. Тутъ былъ юный, спокойный Тимоѳей, возлюбленный сотоварищъ его жизни; тутъ былъ Тихикъ, который вышелъ изъ школы Тиранна и оставался преданнымъ ему до самой кончины (2 Тим. iv, 12); тутъ былъ Гаій Дервининъ, живой памятникъ добраго дѣла, совершеннаго имъ въ его первое миссіонерское путешествіе. Фессалоника дала этому маленькому обществу цѣлыхъ три члена — Іасона, его соотечественника, если не родственника, того самаго, домъ котораго при первомъ пребываніи ап. Павла въ Фессалоникѣ подвергся нападенію отъ разъяренной черни, которая, не найдя въ немъ гостя, повлекла его самого на судъ къ политархамъ; Аристарха, который раздѣлялъ съ нимъ опасности въ Ефесѣ, какъ въ послѣдствіи раздѣлялъ его страшное кораблекрушеніе на пути въ Римъ, и Секунда, подробности о которомъ неизвѣстны. Кромѣ ихъ, Верей отправила Сопатра, іудейскаго обращенца, того самаго, который вмѣстѣ съ другими посылаетъ свое привѣтствіе римскимъ христіанамъ ¹⁵⁰²). Въ самомъ Коринѣ онъ опять предполагалъ встрѣтиться съ нѣкоторыми изъ своихъ любезнѣйшихъ друзей — съ Тимомъ, мужество и здравый смыслъ котораго дѣлали его столь неопцѣненнымъ для апостола; съ Лукою, «возлюбленнымъ врачомъ», который, по всей вѣроятности, былъ уполномоченнымъ отъ Филиппъ; съ Трофимомъ, ефесскимъ грекомъ, ставшимъ роковой, но неповинной причиной ареста ап. Павла въ Іерусалимѣ, тѣмъ самымъ, которому долгое время спустя суждено было отправиться съ нимъ въ его путешествіе въ качествѣ узника, но раздѣлять его послѣднія страданія которому помѣшала болѣзнь, постигшая его въ Милетѣ (2 Тим. iv, 20), и со многими коринѣскими христіанами: Густомъ, Сосееномъ, Ерастомъ, Тертіемъ, Квартомъ, Стефаномъ, Фортунатомъ, Ахаикомъ и наконецъ Гаіемъ коринѣскимъ, у котораго ап. Павелъ намѣревался остановиться, и открытый домъ и христіанское гостепріимство котораго высоко цѣнились церковью.

Сообщество столь многихъ вѣрныхъ христіанъ не могло не быть свѣтлою точкой въ туманномъ календарѣ жизни ап. Павла. Въ какихъ счастливыхъ бесѣдахъ должны были проходить у нихъ вечера, особенно въ виду того, что ручной трудъ апостола никоимъ образомъ не мѣшалъ изліянію его души! Какое это было радостное и сердечное общеніе, возможное въ своей высшей степени только для чистыхъ и святыхъ душъ! Какой тутъ происходилъ обмѣнъ мыслей и надеждъ по глубочайшимъ предметамъ! Какіе часы взаимнаго утѣшенія среди глубокихъ невзгодъ; какія умилительныя трапезы любви; какое благословенное причастіе въ таинствѣ евхаристіи; какое изліяніе пламенныхъ молитвъ! Въ Коринѣ ап. Павелъ пробылъ три мѣсяца, и въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ онъ написалъ, по всей вѣроятности, посланіе къ Галатамъ и несомнѣнно посланіе къ Римлянамъ—два изъ глубочайшихъ и знаменитѣйшихъ его посланій ¹⁵⁰³). И такъ какъ

только изрѣдка онъ писалъ собственной рукой, такъ какъ у него въ обычаѣ въ надписяхъ своихъ посланій упоминать вмѣстѣ съ собою одного или нѣсколькихъ, а иногда и цѣлое общество своихъ сотрудниковъ, равно какъ и посылать привѣтствіе отъ нихъ,—то нельзя ли съ несомнѣнностью предполагать, что эти письма громко прочитывались въ кругу маленькаго собранія друзей и составляли плодотворный предметъ долгихъ и искреннихъ разсужденій? Но предполагалъ ли ап. Павелъ, что эти немногіе свитки папируса до послѣднихъ вѣковъ міра будутъ признаваться его неоцѣнимымъ сокровищемъ?

Но въ какомъ состояніи апостолъ нашелъ дѣла, когда онъ перешелъ изъ дома Гаія въ домъ Густа? Св. Лука имѣетъ своею цѣлью показать то единство, которое существовало между христіанами въ отношеніи сущности и основныхъ предметовъ вѣры, и поэтому не останавливается на временныхъ разногласіяхъ, которыя, къ несчастію, раздѣляли ихъ. Правда, онъ не скрываетъ самаго существованія несогласія; но его желаніемъ повидимому было показать существенную гармонію, которую эти несогласія могли лишь нарушать, но не могли разрушить. Поэтому онъ не сообщаетъ ни одной подробности о встрѣчѣ ап. Павла съ ложными апостолами, обманными дѣятелями, которые искажали и поддѣлывали слово Божіе, или съ тѣмъ дерзкимъ и надменнымъ учителемъ, который, при своей осанистой внѣшности, обработанной рѣчи и огромныхъ притязаніяхъ, опираясь на одобрительныя письма изъ Іерусалима и быть можетъ на преимущества личнаго знакомства съ Христомъ, отрицалъ апостольство ап. Павла и не упускалъ случая очернить его характеръ. Выступилъ ли этотъ человѣкъ прямо лицомъ къ лицу противъ ап. Павла? Высказали ли его послѣдователи то пренебрежительно наглое отношеніе къ апостолу, которое они уже высказали противъ него заочно? Какъ совершился тамъ опасный кризисъ, послужившій рѣшительнымъ испытаніемъ, на чьей сторонѣ находилась истинная сила? Пришелъ ли наконецъ апостолъ съ жезломъ, или съ духомъ кротости? Чѣмъ онъ доказалъ свое апостольство—строгимъ ли примѣненіемъ дисциплины и произнесеніемъ отлученія, ужасомъ пораившаго дерзкихъ отступниковъ, или же въ виду возобновленія вѣрности заблуждающейся паствы и водворенія мира и доброй нравственности между ними сдѣлалось излишнимъ прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ? На всѣ эти вопросы мы не можемъ дать болѣе или менѣе увѣреннаго отвѣта. Мы можемъ лишь вообразить себѣ торжественное безмолвіе ожиданія, съ которымъ маленькая община, собравшись въ домѣ Густа, встрѣтила первое появленіе и первое слово того, любовь котораго они подвергали столь страшному испытанію и противъ личности котораго они высказывались съ столь недостойнымъ издѣвательствомъ. Личные вопросы однако же имѣли для него наименьшее значеніе. Всѣ хорошо знали, что его громы страшны не для партійной оппозиціи, а для нравственнаго упорства. Такъ какъ многіе безъ нихъ были гнусными грѣшниками, такъ какъ многіе даже не раскаялись и послѣ строгихъ укоровъ, то какъ они должны были содрогаться,

какъ ихъ виновная совѣсть должна была вселять во всѣхъ ихъ робость, когда наконецъ спустя болѣе чѣмъ три года они стояли лицомъ къ лицу съ тѣмъ самымъ апостоломъ, который могъ предать ихъ сатанѣ со всѣми страшными, связанными съ этимъ приговоромъ послѣдствіями. Но надъ всѣмъ этимъ лежитъ завѣса забвенія. Перо единственнаго человѣка, который могъ бы рассказать обо всемъ этомъ, ничего не написало и мы не слышимъ объ этомъ ничего и изъ другихъ источниковъ. Но что на время апостолъ торжествовалъ, что вслѣдствіе ли дѣйствительнаго примѣненія власти, или сердечнаго раскаянія со стороны его противниковъ, его апостольскій авторитетъ вновь установился твердо,—это можно выводить изъ его собственнаго намека, что пока не были устранены коринѣскія затрудненія, онъ не могъ приниматься ни за какое другое дѣло, и что въ посланіяхъ, которыя онъ писалъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ столицѣ Ахаіи, онъ строитъ планы уже для болѣе обширныхъ миссіонерскихъ трудовъ и свободно предается новой дѣятельности (Рим. I, 13; XV, 24, 32).

Не смотря на отсутствіе завѣдомыхъ фактовъ, мы имѣемъ возможность читать сокровеннѣйшія мысли, какія только преносились по душѣ ап. Павла. Два посланія, которыя онъ отправилъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ, во многихъ отношеніяхъ были самыми важными, какія только когда либо онъ писалъ. И можно представить себѣ всю высоту его умственной силы, когда онъ въ теченіе столь короткаго періода, при множествѣ отягчавшихъ его другихъ обязанностей и тревоженій, все-таки находилъ время для того, чтобы диктовать посланіе къ Галатамъ, которое отмѣчаетъ эпоху въ исторіи церкви, и посланіе къ Римлянамъ, которое прямо можно считать важнѣйшимъ изъ всѣхъ его вкладовъ въ систему христіанскаго богословія!

Монета города Ефеса
(съ эвемпелла въ Британскомъ музеѣ).

ГЛАВА XXXV.

ВАЖНОСТЬ ПОСЛАНИЯ КЪ ГАЛАТАМЪ.

Кто вникнетъ въ законъ совершенный,
законъ свободы, тотъ блаженъ будетъ въ
своемъ дѣйствованіи. Гал. I, 25.

Ы уже видѣли, что при своемъ второмъ краткомъ посѣщеніи церквей Галатіи на пути въ Ефесъ ап. Павелъ повидимому уже не встрѣчалъ того сердечнаго увлеченія, съ которымъ встрѣчено было его первое проповѣдничество. Своимъ проницательнымъ взглядомъ онъ замѣтилъ зародыши наступающей опасности и высказанныя имъ предостереженія ослабили теплоту его прежняго отношенія къ нимъ. Но онъ едва ли могъ ожидать болѣе мучительнаго извѣстія, что обращенцы, бывшіе нѣкогда столь дорогими для него и столь любящими, уклонились отъ его истиннаго благовѣстія и увлеклись поверхностной обрядностью его іудействующихъ противниковъ. Эти люди, какимъ бы авторитетомъ ни прикрывались они, уже испортили его лучшее дѣло, смутивъ его счастливыхъ учениковъ въ Антіохіи и Коринѣѣ, и теперь рассчитывали произвести тоже и въ Ефесѣ. Вторгаться такимъ образомъ въ область трудовъ другаго, предоставлять ему выносить все опасности и труды съ желаніемъ воспользоваться ихъ плодами, равнодушно и враждебно наблюдать за тѣмъ, какъ сѣятель со слезами возвращалъ свое доброе сѣмя, чтобы затѣмъ нахально и дерзко приступить съ своими безстыдными и алчными серпами къ зрѣющей жатвѣ, преслѣдовать по стопамъ смѣлаго самоотверженнаго миссіонера при посредствѣ легкомысленныхъ обезпеченныхъ челоукоугодниковъ, которые, безъ всякаго лично для себя риска, въ его отсутствіе вторгались въ устроенныя имъ паствы для того, чтобы расхищать его беззащитныхъ овецъ, возмущать своей мелочною обрядностью и механическимъ правовѣріемъ чистую воду христіанской

простоты и христіанскаго счастія, подвергать опасности такимъ образомъ всю будущность христіанства попыткой отвращенія его отъ свободы вселенскаго Евангелія къ рабству іудейскаго закона, построить ограду, которая, въ силу обязательнаго обрѣзанія, исключала бы изъ церкви благороднѣйшихъ изъ язычниковъ, допуская въ тоже время худшихъ изъ іудеевъ, — все это на проницательный взглядъ ап. Павла уже было довольно худо. Но вторгаться такимъ образомъ въ маленькія общины его галатскихъ обращенцевъ, пользоваться ихъ теплою привязанностью и слабымъ разумомъ, играть на колеблющемся легкомысліи, которое столь легко дѣлало ихъ жертвой особенно тѣхъ, которые водворяли у нихъ вѣшній культъ, въ ущербъ духовной религіи, тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что онъ имѣлъ обаятельное для нихъ сходство съ ихъ древнимъ церемоніальнымъ язычествомъ, — все это ап. Павлу казалось низкимъ до невыносимости. Раздраженный этою вѣтряностью галатовъ и уязвленный справедливымъ негодованіемъ на тѣхъ, которые пользовались ею, онъ взялся за перо, чтобы вполнѣ яснымъ и прямымъ языкомъ выразить свое мнѣніе о ложности и бесполезности тѣхъ границъ, въ которыя эти христіанскіе фарисеи хотѣли заключить начала христіанства, — тѣ изношенные и расхудившіеся мѣхи, въ которые они старались вливать богатое, свѣжее и бродящее вино. Тутъ не было времени для любезныхъ распросовъ касательно побужденій, для тщательнаго взвѣшиванія элементовъ, не было мѣста для неопредѣленнаго компромиса или деликатной ссылки на дѣйствительный или предполагаемый авторитетъ. Правда, люди этого рода прибыли изъ Іерусалима и принадлежали къ той самой іерусалимской церкви, для бѣдныхъ членовъ которой онъ дѣлалъ столь большіе сборы, и въ одномъ выдающемся случаѣ они имѣли или по крайней мѣрѣ заявляли, что имѣли за себя авторитетъ св. Іакова. Но возможно ли, чтобы Іаковъ, при всей своей склонности къ Моисееву закону, настолько переступалъ всякую грань въ этомъ отношеніи, чтобы дать санкцію своего имени дѣлу, которое, какъ видѣлъ ап. Павелъ, было крайне губительно для болѣе широкихъ надеждъ христіанства? Если такъ, то нечего было дѣлать. Іаковъ былъ человѣкъ — правда, святой человѣкъ, вдохновленный знаніемъ великихъ и возвышенныхъ истинъ, — но не болѣе непогрѣшимъ, чѣмъ Петръ и самъ Павелъ. Если Петръ не разъ показывалъ замѣтное колебаніе, то могъ также колебаться и св. Іаковъ; а если такъ, то Іаковъ въ свою очередь былъ несомнѣнно не правъ. Но ап. Павелъ во всякомъ случаѣ никогда не говоритъ этого и не употребляетъ ни одного непочтительнаго слова по отношенію къ «брату Господню». Церковь іерусалимская при одномъ прежнемъ случаѣ «открыто отвергла» лицъ, которыя самочинно выступали въ качествѣ представителей отъ нея; и нѣтъ ни малѣйшаго доказательства того, чтобы она когда либо одобряла этотъ родъ противодѣйствующей шпіонской миссіи, которая была столь губельна для всякаго истиннаго прогресса, для всякой свободы, для всякой нравственности. Кто бы ни были эти іудейскіе учителя, но тщеславіе, партійный духъ и чув-